

Т.М. Симбирцева

К 100-летию ПРАВОСЛАВИЯ В КОРЕЕ

История православия в Корее началась 17 февраля 1900 г., когда русский миссионер архимандрит Хрисанф (Щетковский)¹ отслужил первую литургию в оборудованном под часовню зале резиденции российского поверенного в делах А.И. Павлова в Сеуле. Православная миссия была создана в Корее по просьбе проживавших там длительное время 150 верующих, в первую очередь русских: офицеров и нижних чинов, занимавшихся обучением охранной гвардии вана (короля) Кореи; военного агента, его помощника и нижних чинов при нем; офицеров десанта, состоявшего при российской дипломатической миссии, и приблизительно 90 чел. нижних чинов; учителей русской школы. Кроме того, в Сеуле жило около 30 православных корейцев, имевших российское гражданство и служивших по найму переводчиками в разных министерствах². Немаловажным при создании миссии было также то обстоятельство, что с ее открытием возникала возможность распространения православия в Корее. К описываемому времени Русская православная церковь уже имела значительный опыт миссионерской работы на Дальнем Востоке. Так, в Китае русская православная миссия (РПМ) существовала с 1713 г., а в Японии Святитель Николай, епископ Японский (Касаткин), окрестил к началу XX в. около 20 тыс. японцев³.

Православная миссионерская деятельность среди корейцев, переселявшихся в Южно-Уссурийский край с начала 1860-х годов, началась по инициативе Святителя Иннокентия (Алеутского), впоследствии митрополита Московского. Первыми (в 1865 г.) крестились корейцы, поселившиеся около Новгородской гавани. К концу 1870-х годов относится возникновение в Южно-Уссурийском крае самостоятельных корейских приходов. К 1904 г. в регионе действовали девять миссионерских станов, а число православных корейцев составило 8634 чел⁴.

Появление православия в Корее было закономерным результатом развития ее связей с Россией, роста влияния нашей страны на полуострове. Неслучайно большинство крещеных в ранний период существования миссии корейцев составляли жители северных провинций Хамгёндо и Хванхэ⁵, которые вели с Россией активный торговый обмен. В некоторых случаях крестились сановники правительства, принадлежавшие к так называемой прорусской группировке при дворе. Они связывали с Россией надежды на возможность сохранения независимости страны в условиях усилившегося японского проникновения. Негласно к этой группировке принадлежал сам король Коджон, который подарил российской дипломатической миссии участок земли для строительства православной церкви. К сожалению, политическая ситуация в Корее уже тогда была такова, что глава государства не мог свободно действовать по собственному усмотрению. Чтобы избежать осложнений, русская сторона отказалась от щедрого королевского дара и самостоятельно выкупила предназначавшийся для постройки церкви участок.

«В миссионерстве приходится иметь дело с внутренним человеком, с душевными настроениями, каковые и очень изменчивы, и очень глубоки, ибо вытекают из тайников души и до бесконечности разнообразны, а это вместе взятое трудно взвешивать цифрой», – писал иеромонах⁶ Павел (Ивановский)⁷, начальник второй (1906–1912) миссии в Корее, посвятивший несколько статей истории христианства и изучению религиозности корейцев. Записки и мемуары первых миссионеров скупы на цифры, но все же есть основания считать, что к 1904 г. о. Хрисанфом было крещено несколько корейцев как в Сеуле, так и в провинции⁸. Единичность случаев крещения объяснялась в первую очередь высокой ответственностью, с которой русские пастыри подходили к своему делу.

«Если бы мы стремились побольше накрестить, то за три года своего существо-

вания в Корею мы могли бы накрестить десятки тысяч, ибо желающих принять "русскую веру" являлось очень много, но по тщательным справкам и строгому испытанию всегда оказывалось, что все они ищут не веры и забота у них не о спасении души, а в том, чтобы приобрести в лице миссионера защитника для своих незаконных действий в отношении своих ближних или начальства... Все, приходившие к нам за получением крещения с нечистыми побуждениями, предсказывали нам, что если мы не будем делать так, как делают инославные миссионеры, то у нас не будет ни одного христианина, и я выражал им полную готовность лучше не иметь ни одного христианина, чем иметь много и вести их к гибели»⁹, – писал о. Хрисанф.

Успешное начало деятельности РПМ в Корею объяснялось и растущим влиянием христианства на Корейском п-ове. С христианством (католичеством) корейцы познакомились впервые в XVII в. путем самостоятельного изучения христианской литературы, привезенной из Китая. Первым корейским христианином считается Ли Сынхун, сын секретаря корейского посольства, который крестился в 1783 г. в Пекине под именем Петра. К концу XIX в. католическая община в Корею насчитывала 40 тыс. верующих¹⁰. С 1880-х годов в стране появились первые протестанты, и число их постоянно росло. Это было вызвано не только активностью западных миссионеров, но и возрастающим возмущением корейцев активным проникновением в страну японцев. В отличие от Китая, куда протестантские миссионеры пришли вместе с отрядами солдат-колонизаторов, в Корею христианство не воспринималось как связанное с западным империализмом, тем более что присутствие американских и европейских компаний в корейской экономике было ничтожным. Напротив, оно стало идеей, объединившей корейцев в их стремлении к независимости, что нашло впоследствии яркое отражение в массовом участии корейских христиан в Первомартовском движении 1919 г.

Интерес корейцев к христианству не обошел стороной и православие. Указ об учреждении РПМ в Корею был принят Священным Синодом 2–4 июля 1897 г. Ему предшествовала длительная¹¹ переписка между министерствами иностранных дел и финансов Российской империи¹². Авторы, освещающие эту проблему, отмечают, что основная причина для организации православной миссии была сугубо политической, ибо перед ней ставилась задача укрепления русского влияния на полуострове. С точки зрения большой политики это так, вместе с тем 100-летие православия в Корею – хороший повод, для того чтобы подойти к его истории еще и с другой стороны.

«Православная миссия, по сравнению с другими (кроме того, что она православная), имеет дорогие и несомненные качества, – писал Павел Ивановский. – Православные миссионеры не занимаются политикой, они чужды вмешательству в дела гражданского управления. Царства Божия они не смешивают с царством мира сего. А ведь это очень важно. Правда, что политика в руках ловких миссионеров Запада подчас создает блестящие успехи миссии, но такие успехи, достигнутые силой человека, не могут быть прочными и для нас желательными»¹³.

Жизнь доказала справедливость этих слов. За 100 лет своей истории православие в Корею пережило много испытаний. Оно выжило, потому что православные миссионеры в Корею, за редким исключением, всегда стояли в стороне от политических интриг и вера в Господа, а не в правительства давала им силы преодолевать неисчислимые трудности.

Основные этапы истории русской православной миссии в Корею

В современной русской литературе, посвященной православию в Корею, его история обычно разделяется на два этапа: «русский» (1900–1949) и «греческий» (1955 – по сей день). При этом за основу деления берется административная принадлежность корейской православной церкви, которая до 1949 г. подчинялась Московскому патриархату, а с конца 1955 г. перешла под юрисдикцию Вселенского патриарха. Следует отметить, что такая периодизация не учитывает имевший чрезвычайно важное значение для существования православия в Корею переходный период, наступивший фактически

сразу после освобождения Кореи в августе 1945 г. и продолжавшийся до 1955 г., и не совпадает с мнением корейских православных, которые уже давно не считают свою веру «иностранный», а воспринимают ее как свою, корейскую. Как указывает С. Пальмер, «с самого начала корейцев убеждали в том, что распространение христианства и рост христианской церкви зависит от них самих, а не от миссионеров. Им дали понять, что иностранные миссионеры находятся в стране только для того, чтобы дать толчок их деятельности и направить ее, все же остальное должны делать они сами»¹⁴. Убеждение в этом укоренилось, и этим объясняется большая тяга корейцев к самостоятельности в религиозной деятельности. Настрой в обществе не может не отражаться и на мнении внутри православной общины.

Если рассматривать историю православия в Корее как единый закономерный процесс, то ее можно разделить на три этапа: возникновение и становление (1900–1912), сохранение (1912–1955) и развитие (с 1956 г.).

Этап возникновения и становления (1900–1912). С самого начала деятельность РПМ в Корее приобрела ярко выраженную миссионерскую направленность, что было вызвано значительными изменениями в политической ситуации на полуострове. Суть их состояла в изменении внешнеполитического курса России и резком уменьшении ее влияния в стране: с 1898 г. приоритеты российской политики на Дальнем Востоке окончательно были отданы Маньчжурии, и Корея отошла для России на задний план в борьбе с Японией за сферы влияния в регионе. Путем уступок в Корее российское правительство рассчитывало добиться для себя большей свободы действий в Северо-Восточном Китае. Изменение курса повлекло за собой отзыв из Кореи русских специалистов и сокращение штата дипломатической миссии. В результате русская православная община в Корее многократно сократилась¹⁵. В записках первых миссионеров ничего не говорится о русских прихожанах. Видимо, их было очень мало, и этот факт, как ни странно, имел положительное значение для миссионеров, поскольку давал им возможность сосредоточиться исключительно на миссионерской деятельности.

«Я, конечно, не против того, чтобы удовлетворять религиозные потребности русских православных, – это необходимо; но был всегда против того, чтобы соединять это с миссионерством. Личный опыт достаточно меня убедил в том, что эти два дела совершенно несовместимы: ожидать исправного и ревностного отношения к своим религиозным обязанностям со стороны русских, живущих за границей, совершенно невозможно; если же они будут неисправны, и будут только по-модному исполнять христианский долг молитвы, то они в миссию, кроме вреда и разлада, ничего не внесут; они совершенно спокойно будут разрушать то, что с большим трудом созидает миссионер. Лучше, по моему мнению, удовлетворять религиозные потребности русских совершенно отдельно от инородцев»¹⁶, – писал о. Хрисанф.

О. Хрисанф живо интересовался жизнью и бытом корейцев. Его опубликованные работы¹⁷ – ценный источник для изучения этнографии этого народа в начале XX в. Он глубоко вникал в проблемы своей паствы, разделял ее заботы и чаяния, вместе с ней терпел лишения. Доброе отношение находило отклик в сердцах его прихожан. Как писал о. Хрисанф в своем письме из Мунсанпхо, деревни «верстах в 50 от Сеула», где им был открыт первый миссионерский стан весной 1903 г., «корейцы не оставляют меня своим посещением, и сегодня – воскресенье – было так много, что и церковь моя не вмещала желающих молиться. Потребность помолиться у них, без сомнения, есть и с тем большим желанием, что здесь почти половину службы правлю я на корейском языке... Особенно приводит меня в умиление то внимание и усердие, с каким они слушают и молятся за своего императора, которого поминаем на ектиньях; сегодня все сделали даже земной поклон: ужасно боятся они, чтобы японцы опять не обидели их правителя, и особенно теперь, в столь смутное время на Востоке»¹⁸.

О. Хрисанф был полон оптимизма и надежд относительно будущего своей миссии и основательно осваивался на новом месте. Одними из первых предпринятых им шагов были строительство отдельно от дипломатической миссии, хотя и в непосредственной близости от нее, зданий духовной миссии: школы, дома для сотрудников, помещений

для сторожа и переводчика – и посадка вокруг них сада. В школу в 1901 г. приняли 12 мальчиков, из которых двое – сироты – полностью содержались за счет о. Хрисанфа и миссии. Он активно занимался корейским языком, стремясь достичь такого уровня знания, чтобы «назидать свою паству живою проповедью». Кроме уже упоминавшегося выше стана в Мунсанпхо, была создана группа по изучению Библии в провинции Хванхэ¹⁹. Началась работа по переводу на корейский язык православной литературы. К 1904 г. в миссии на корейском языке имелись «Краткий молитвослов», отпечатанный во Владивостоке, а также краткое изложение веры и нравоучения (выдержки) преосвященного Макария Томского «Простые речи о великих делах Божиих»²⁰.

Первая миссия была вынуждена свернуть свою деятельность в связи с началом русско-японской войны в январе 1904 г. О. Хрисанфу больше не пришлось вернуться в Корею. По прибытии в Россию он был посвящен в сан епископа Чебоксарского, викария Казанской епархии, в 1905 г. – по болезни перемещен на кафедру епископа Елисаветградского, Херсонской епархии и 22 октября 1906 г. скончался от скоротечной чахотки в Одессе, где и был погребен²¹.

Вторая миссия под руководством архимандрита (впоследствии епископа, викария Владивостокского) Павла (Ивановского, 1874–1919 или 1920) прибыла в Корею в 1906 г., и начался «самый яркий период в истории миссии до начала 2 мировой войны»²². О. Павел серьезно готовился к работе в Корее и глубоко изучал опыт своих предшественников – миссионеров-иностранцев, а также русских священников, проповедовавших среди корейских переселенцев в Россию. Он был не согласен с широко распространенным мнением о «безрелигиозности корейцев».

«Трудно судить о религиозности, во-первых, потому, что на характер и обнаружение религиозной жизни смотрят обычно со своей точки зрения, так сказать, меряют других своими духовными идеалами, что, разумеется, неправильно, – писал он. – Во-вторых, религиозные проявления часто скрываются от постороннего наблюдателя и, наконец, религиозные потребности могут лежать под самым тонким слоем равнодушия и затем проявиться с силою во всякий последующий благоприятный момент, пропущенный наблюдателем. Вся выдающаяся история корейской церкви записана кровавыми буквами на всех своих страницах. Объяснять это увлечением, расчетливым отношением к христианству или стечением обстоятельств... никак нельзя: этого не допускают и многократность, и длительность событий, и самая глубина исторических фактов. В истории корейской церкви мы встретим немало фактов, говорящих не только о религиозности корейцев и расположенности их к христианству, но и свидетельствующих о богатстве их религиозной природы...»²³.

Такие убеждения составляли прочный фундамент деятельности о. Павла в Корее и были залогом его успеха. По сообщению о. Феодосия (Перевалова), «с прибытием в Сеул он не замедлил обратиться с проповедью слова Божия к язычникам». Не удовлетворившись станом в Мунсанпхо, он открыл станы неподалеку от него: в селениях Коха, Карагае, Сончоне, Ильсане и Марысими²⁴. В работе ему помогал первый священник корейской национальности о. Иоанн Кан (корейское имя – Кан Тхак)²⁵.

Мечта о. Хрисанфа о «живой проповеди» реализовалась в деятельности о. Павла, хорошо знавшего корейский язык, психологию и быт народа. Как писал Перевалов, «в станах число обращающихся в православие было довольно значительно, но это отрадное явление следует приписать не столько работе катехизаторов, сколько стараниям самого о. Павла, ибо он путем частых своих посещений селений, многократных религиозных собеседований с народом куда больше влиял на психологию туземцев, чем катехизаторы, взятые все вместе»²⁶. Следует отметить, что начало деятельности о. Павла в Корее совпало не только с окончанием русско-японской войны, но и со временем установления японского протектората в этой стране (1905), когда «самое имя русского человека стало поношением "во языцех" не только среди японцев, но и среди местного населения». «Если о. Павел повел дело миссии более или менее успешно, так только благодаря исключительно своему природному такту и осторожности, иначе оно зачахло бы на первых же порах», – отмечал о. Феодосий²⁷.

Стремясь создать единое религиозное пространство для корейской православной паствы, о. Павел организовал подворье сеульской миссии во Владивостоке, которое существовало с 1906 до 1913 г. Особое внимание уделял он переводу богослужебной литературы и за шесть лет, проведенных им в Корее, вместе с Иоанном Каном перевел «часослов, паримийник, служебник, требник, избранные службы для октоиха, триоди и праздничные минеи, а также краткую историю Ветхого и Нового завета, катехизис, последование ко святому причащению и чин панихиды». В результате «с 1910 г. богослужение стало совершаться исключительно на корейском языке, кроме великопостных служб, которые остались непереуведенными»²⁸. Были переложены на корейский язык и несколько церковных песнопений.

В 1912 г. о. Павел был вызван в Петербург и посвящен в сан епископа Никольск-Уссурийского, викария Владивостокской епархии. Но и живя во Владивостоке, а с 1918 г. – в Москве, он продолжал руководить Сеульской миссией. В 1913–1914 гг. он несколько раз приезжал в миссию для работы над переводами богослужебных книг. После 1918 г. о. Павел был вынужден уехать из Москвы на Кавказ под покровительство генерала Деникина, получил назначение на кафедру епископа Аксайского Донской епархии, но, не добравшись до места назначения, заболел тифом и скончался в Екатерино-Лебяжеском монастыре Кубанской обл. в 1919 (или в 1920) г.²⁹

Этап сохранения (1912–1955). Последующими руководителями миссии были архимандрит Иринарх (Шемановский, 1912–1914), игумен Владимир (Скрижалин, 1914–1917), иеромонах Палладий (Селецкий, 1917), иеромонах (с 1923 г. – архимандрит) Феодосий (Перевалов, 1917–1930), о. А. Чистяков (1931–1935). Как пишет Л. Анисимов, они «хотя и исполняли свои пастырские обязанности, но не оставили следа в истории миссии. Напротив, на их годы пришлось ухудшение многих условий, обусловливавших успешное развитие миссии, в частности, закрытие школ при о. Палладии из-за отсутствия денег на их содержание, при о. Феодосии в связи с революцией прекратилась высылка денег из России»³⁰.

«Ухудшение условий» было не виной, а бедой руководителей миссии. В новой общественно-политической обстановке, связанной с установлением колониального господства Японии в Корее (1910), первой мировой войной, революцией, гражданской войной и подрывом положения православной церкви в России, революционным подъемом 1919 г. в Корее, главной их задачей стала борьба за выживание, сохранение ядра верующих и имущества миссии. Они справились с ней с честью, хотя утрата связей с родиной (они полностью прекратились с поражением белого движения в России) была болезненной. Постепенно наладилась связь с РПМ в Японии, которую с 1912 г. возглавлял архиепископ Сергей (Тихомиров).

Многие из указанных выше пастырей были в Корее людьми не случайными. Около 11 лет пробыл в Сеуле о. Владимир (Скрижалин), из них 3 года – в качестве и.о. заведующего миссией. Всю жизнь корейской миссии отдал о. Феодосий (Перевалов, 1875–1933), приехавший в страну впервые в 1906 г. как регент церковного хора. В 1911–1913 гг. он был заведующим миссийского подворья во Владивостоке; в 1917–1930 гг. возглавил миссию и сохранил ее основное имущество как от посягательств советской власти и японских колониальных властей (имущество РПМ в Корее было перерегистрировано на РПМ в Японии, признававшуюся японцами за юридическое лицо), так и от буквального «проедания», поскольку материальное положение миссионеров ухудшалось день ото дня.

Чтобы получить средства к существованию, начальник миссии был вынужден сдавать часть ее усадьбы китайцам под огороды и комнаты – квартирантам. Миссионеры поддерживала вера в полезность своей деятельности. Исходя из этого, о. Феодосий написал строго документированную историю «Российская духовная миссия в Корее за первое 25-летие ее существования», которая до сей поры остается основным документом о деятельности РПМ в Корее до 1925 г. В 1920 г. в обращении к Московскому патриарху он писал: «Православная миссия в Сеуле, как ни скромны были ее силы и средства, успела пустить прочные корни в религиозном, бытовом и полити-

ческом сознании того полупервобытного народа, среди которого она призвана работать. Русская церковь в Сеуле является не только светильником православия, животворящего духовного начала, но и рассадником и проводником духовных и культурных влияний русского народа на азиатском Востоке. Закрытие Миссии было бы, как нам кажется, большим ударом как для религиозно-просветительных задач Православной церкви, так равно и для национальных и политических интересов русского дела на Дальнем Востоке»³¹. Ответа о. Феодосий не получил.

В 1923 г. РПМ в Сеуле перешла в административное подчинение архиепископа Сергия (Тихомирова), главы РПМ в Японии. В 1930 г. о. Феодосий обратился к нему с просьбой освободить его от должности начальника миссии в Сеуле. С согласия владыки он переехал в Токио, где скончался в 1933 г. На смену ему в 1931 г. из Маньчжурии прибыл священник А. Чистяков.

Деятельность Русской православной миссии в последний период ее существования (1936–1949). В посвященной истории РПМ в Корее современной русской литературе авторы (Л. Анисимов, о. Дионисий Поздняев и о. Августин Никитин) единодушно выделяют период 1936–1949 гг. как время значительного оживления ее деятельности, связывая его с именем иеромонаха (с 1941 г. – архимандрит) Поликарпа (Приймака, 1912–1989) и явно отдавая ему предпочтение перед начальниками миссии в предшествовавший период. Авторы отмечают, что он «распространил свою деятельность на весь Корейский полуостров», окормляя 17 русских общин в различных городах³², а также «возрождал миссионерскую деятельность на территории страны»³³.

О. Поликарпу было 24 года, когда он прибыл с матерью в Корею из Японии в должности и.о. начальника миссии. Он был молод и неопытен, не знал языка и особенностей страны, не имел никакой материальной поддержки, и поэтому рассказ о его необыкновенных успехах в Корее звучит, мягко говоря, преувеличенно. Если учесть политическую обстановку в стране в то время, то, в частности, возникают вопросы о возможности: 1) «окормления русских общин по всему Корейскому полуострову» в военные годы (1938–1945), когда переезды иностранцев по Корее стали практически невозможными; 2) возрождения миссионерской деятельности в период колониального правления, когда контакты иностранцев с местным населением были практически сведены к нулю.

Надо отметить, что изложение истории РПМ в Корее в 1936–1949 гг. современными авторами и высокая оценка ими деятельности о. Поликарпа основываются единственно на рапорте самого о. Поликарпа Патриарху Алексию от 17 февраля 1949 г. и на его же «Заявлении», напечатанном в газете «Известия» 21.07. 1949 г. (через три недели после его высылки из Южной Кореи). «Деятельность о. Поликарпа распространялась на весь Корейский полуостров, – пишет о. Августин. – Его паства проживала во многих городах, таких как Пхеньян, Хопучин, Кайсю³⁴, Каругай, Кёхе, Ресин³⁵ и другие – всего в семнадцати. В основном эти общины состояли из русских; корейцев же, по данным о. Поликарпа, насчитывалось около 150 человек»³⁶. Судя по этому сообщению, русских верующих было значительно больше, чем корейских.

Вопрос о численности и судьбах русских в Корее в разные десятилетия XX в. остается практически не изученным, и архивы православной церкви в Корее и воспоминания ее старейшин представляют собой ценный этнографический материал по данному вопросу. Если исходить из того, что большинство русских эмигрантов в Корее были верующими и объединялись вокруг своей церкви, то малое количество крещений за 25 лет (в 1925 г. общее число крещеных в миссии составляло 589 чел., из которых корейцев было 570, а русских – 19³⁷) косвенно свидетельствует о том, что русская диаспора в этой стране никогда не существовала и что для большинства наших соотечественников Корея была чаще всего местом временного пребывания или промежуточным пунктом в скитаниях по миру. Об этом же говорит и небольшое число русских захоронений на иностранном кладбище Янхваджин в Сеуле – единственном месте в столице, где начиная с 1882 г. хоронили иностранцев (зарегистрировано 21 русское захоронение, включая безымянные³⁸).

Судя по воспоминаниям старейшин православной общины (в частности, 75-летнего Михаила Пака – Пак Сунхо³⁹), вплоть до 1945 г. основную часть прихожан церкви Св. Николая в Сеуле составляли немногочисленные русские. Служба в основном шла по-русски, но хор пел и по-русски, и по-корейски. «Многая лета!», «Господи помилуй!» – эти фразы все присутствующие возглашали хором по-русски. Среди прихожан была некая русская женщина Нина, с прекрасным сопрано. Она держала лавку женских украшений, а по воскресеньям пела в церкви. У нее была подруга, которая тоже пела в хоре и жила с мужем, двумя детьми и родителями мужа на улице Чунджон-но, где держала магазин мужской одежды. Три-четыре семьи русских купцов, торговавших мехом, жили в столичном районе Хонпхадон, рядом с домом Пак Сунхо. В церкви находился склад, там они хранили свои товары. Приходили в церковь русские с торговой улицы Чхунму-ро. Их арестовали во время Корейской войны в 1950 г. Торговлей занимались и несколько русских семей, живших вокруг церкви в Чондоне⁴⁰.

Русские практически не говорили по-корейски, не смешивались с местным населением и не прилагали никаких усилий, чтобы прочно обосноваться на приютившей их земле. Жили кучно, по несколько семей. Соблюдали традиции: приглашали домой певчих церковного хора на Пасху и Рождество, щедро их угощали. С началом войны в конце 1930-х годов число русских в церкви стало уменьшаться. Многие покинули страну. Судьба тех, кто остался в Корее до 1950 г., трагична. Они были арестованы в начале Корейской войны солдатами Корейской народной армии (КНА) как «белые русские», пережили (не все) трехлетнее заключение в концлагерях на корейско-китайской границе и затем, видимо, были отправлены в СССР, где, как можно предполагать, их ожидали не менее суровые испытания. Австралийский миссионер о. Филипп Кросби, много месяцев деливший с «белыми русскими» судьбу арестанта северокорейского концлагеря, посвящает им несколько страниц в автобиографической книге «Марш к смерти», написанной после освобождения из плена. Он упоминает следующие имена: Наталья Фундерат, одинокая вдова 70 лет; Иван Килин 36 лет с женой Марусей 29 лет, дочерью Ольгой 8 лет и сыновьями Николаем и Георгием 6 и 2 лет; Иван Николаевич Тихонов 69 лет; Илья Кичаков, 58 лет (умер в заключении 17 декабря 1952 г.); Дмитрий Verosiff, 59 лет; Евгений Смирнов, друг Кичакова, 60 лет (умер в заключении в июне 1951 г.); Михаил Леонов (умер в заключении)⁴¹. По воспоминаниям о. Кросби, все его русские товарищи по несчастью были торговцами из Сеула. Они не знали корейского, как, впрочем, и других языков, и общались в основном между собой.

Факты ставят под сомнение сведения о наличии 17 русских православных общин «по всему Корейскому полуострову». Несмотря на полное пока отсутствие данных о русских, проживавших на территории Северной Кореи в 1930–1940-х годах, старейшины церкви Св. Николая в Сеуле не помнят ничего о православных приходах в этой части страны. Они отметили, что Каругай и Кёхе были небольшими селами в 50 км от Сеула и русские в них никогда не жили.

В 1938 г. как «русский шпион» был арестован переводчик советского консульства Ким Донхан. Как младший брат «шпиона» был арестован и дьякон РПМ Алексей (Ким Ыйхан) – единственный штатный сотрудник миссии – кореец, прекрасно знавший русский язык и являвшийся связующим звеном между русским священником и его корейской паствой. О. Поликарп остался практически единственным обитателем миссии. Как и его русские прихожане, он жил в изоляции и был беспомощен перед лицом суровой действительности. Особенно это проявилось после освобождения Кореи в августе 1945 г.

История РПМ в Корее закончилась драматически. Ее имущество попало под действие закона о конфискации собственности японских колонизаторов и их пособников, а о. Поликарп в 1949 г. был выдворен из страны властями. О. Августин и Л. Анисимов объясняют драматические события в РПМ в Корее в 1945–1949 гг. стремлением южнокорейских властей и американской оккупационной администрации вывести миссию из-под юрисдикции Московской патриархии⁴². Надо уточнить, что сама по себе

эта юрисдикция значения не имела. Дело носило чисто политический характер, ибо стоял вопрос о прекращении всех связей миссии с чем бы то ни было «русским». «Русское» было синонимом слова «коммунизм», звучавшим, как проклятие. Уход русского священника был неизбежен. Паства видела в отстранении его от должности и замене его корейским, угодным новой власти священником залог сохранения общины, ее выживания в новых политических условиях. Официального отзыва о Поликарпа так и не последовало, и мучительный процесс его «выдавливания» из страны длился 4 года. С декабря 1948 г. на должности начальника миссии и священника храма Св. Николая в Чондоне его заменил о. Алексей Ким, вернувшийся из заключения.

О. Алексей (Ким Ыйхан, 1895–1950) стал третьим корейским православным священником в корейской истории. Первым был уже упоминавшийся о. Иоанн Кан, а вторым – о. Лука Ким (Ким Хиджун, 1881–1931⁴³). Первым православным в семье Алексея был его отец, военный чиновник из родовитого клана Кимов, *пон* (родовое имя) – Андон, женатый на представительнице не менее уважаемого и знатного клана Квонов, *пон* – также Андон⁴⁴. Он владел участком земли в Сеуле, в районе Чондон, рядом с русскими дипломатической и православной миссиями. Никто не помнит, что привело этого человека к православию. Как бы там ни было, его сын Ыйхан стал частым гостем РПМ с первых дней ее существования. Ыйхан учился в миссийской школе в 1907–1912 гг., крестился в 1908 г., поступил на службу в качестве псаломщика в станы в 1914 г. Эту службу он проходил многие годы «не без пользы делу»⁴⁵. А.Ким пережил с миссией самые трудные времена после революции в России и «нес свой посильный труд не за страх, а за совесть»⁴⁶. По воспоминаниям Михаила Пака, в 1930-х годах Алексей Ким, тогда дьякон (рукоположен в 1932 г.) руководил церковным хором.

Таким образом, в то время, когда начинающий миссионер о. Поликарп прибыл в 1935 г. в Сеул, дьякон Алексей Ким являлся самым старым штатным сотрудником миссии со стажем работы 21 год, что противоречит свидетельству о. Поликарпа о том, что Алексей Ким «в 30-е годы трудился в Миссии, но по причине слабого образования и отсутствия интереса к миссионерской работе мало был полезен для Миссии»⁴⁷. Очевидно, что молодому честолюбивому начальнику, не знавшему ни корейской психологии, ни традиций, ни языка, не удалось установить нормальных рабочих отношений со своим единственным старшим коллегой, к тому же прекрасно говорившим по-русски. В своем рапорте патриарху Московскому о. Поликарп называет Алексея Кима одним из главных враждебных действующих лиц развернувшихся в 1948 г. в миссии событий, характеризуя его как алчного честолюбца, который стремился сам стать начальником миссии, как сторонника «американского раскола». Вместе с тем, корейские православные почитают о. Алексея в качестве одного из своих патриархов. Сегодня, 50 лет спустя, представляется необходимым попытаться воссоздать реальную картину происшедшего.

После освобождения в РПМ в Корею вновь увеличилось число корейских прихожан. Потребовалась перестройка сложившегося в колониальное время в церкви уклада. В первую очередь – переход на корейский язык в службах и требоисправлении. О. Поликарп к этому готов не был. Поэтому вряд ли в полной мере соответствует действительности объяснение возникших у него проблем исключительно корыстными намерениями прибывавших в Сеул из Китая и Северной Кореи новых русских эмигрантов или затаившихся до поры корейских раскольников присвоить собственность миссии⁴⁸.

Как рассказали старейшины Павел Ким и Михаил Пак, вскоре после ухода японцев из Сеула о. Поликарп вывесил на крыше церкви в Чондоне красный флаг. Это вызвало возмущение прихожан и серьезные осложнения с американской военной администрацией. Вопрос о замене о. Поликарпа был решен на общем собрании верующих, которые сочли дьякона Алексея самым достойным из нескольких претендентов на роль нового священника. Кульминация наступила в декабре 1948 г. Вот как описывает драматические события «захвата Сеульской миссии раскольниками» о. Дионисий,

основываясь на рапорте о. Поликарпа: «В середине 1947 г. противники о. Поликарпа, рассчитывавшие на получение миссийского имущества, объединились и направили в Токио письмо раскольничьему архиепископу Вениамину с просьбой решить вопрос об их "духовном окормлении". Благодаря помощи западных миссионеров, знавших о. Поликарпа долгие годы, удалось убедить власти воспрепятствовать приезду архиепископа Вениамина в Сеул. В октябре 1948 г. диакон Алексей Ким Кихан (на самом деле Ким Ыйхан. – Т.С.) неожиданно выехал в Токио, откуда он вернулся уже священником (его рукоположил архиепископ Вениамин), утвержденным в должности "Начальника Корейской Миссии". 12 декабря 1948 г., после литургии в храме Миссии, противники о. Поликарпа зачитали письмо архиепископа Вениамина, требующего сдать все дела начальника Миссии Алексею Ким Кихану. Разорвав русскую копию послания, о. Поликарп заявил, что не подчиняется требованиям незаконной церковной власти. Толпа недоброжелателей насильно выволокла о. Поликарпа из храма... Его пытались защитить горстка русских прихожанок, но лишь полиции удалось остановить потасовку»⁴⁹.

О. Поликарп и его мать были арестованы как «нарушители общественного спокойствия» и провели в заключении две недели (13–29 декабря 1948 г.). Вряд ли стоит связывать этот кратковременный арест с проблемой собственности миссии, которая была слишком сложна, чтобы ее можно было решить таким простым способом. Как известно, в 1923 г. о. Феодосий перерегистрировал собственность миссии на имя Имущественного общества японской православной церкви, признававшегося колониальной администрацией как юридическое лицо, чтобы спасти ее от посягательств советских властей и привести ее статус в соответствие с японским законодательством. В 1948 г. правительство Республики Корея в соответствии с первой Конституцией страны приступило к национализации любого принадлежавшего японцам имущества. Несмотря на то что зависимость от Японии у РПМ в Корее была чисто номинальной, над ее собственностью также нависла угроза национализации. Имущество удалось отстоять по суду, который начался в 1955 г. и закончился 27 декабря 1962 г. победой православных.

О. Поликарп в июне 1949 г. был выслан из страны как «советский шпион», поскольку стало известно о принятии им советского гражданства в январе 1949 г.⁵⁰ Несмотря на нехватку материалов, очевидно, что священник стал пешкой в пропагандистской войне противоборствующих систем. «Заявление» никому до той поры неизвестного о. Поликарпа было напечатано в «Известиях» – центральной советской газете – спустя всего три недели после его депортации. В нем сурово осуждались «американцы и их ставленники – корейские реакционеры».

7 июля 1950 г., через несколько дней после начала Корейской войны и входа в Сеул КНА, о. Алексей Ким был арестован в своей квартире на территории миссии в Чондоне. Дальнейшая судьба его неизвестна. Видимо, его постигла участь почитаемых англиканской церковью Республики Корея семерых новомучеников, также арестованных в июле 1950 г., а затем либо погибших, либо пропавших без вести⁵¹. Концлагерь в Северной Корее или путь к нему могли быть местом смерти о. Алексея Кима.

Во время Корейской войны здание православной миссии в Чондоне было частично разрушено, колокола и часть утвари – украдены, прихожане – рассеяны.

Этап развития (с 1956 г.). Собираться на богослужения корейские православные вновь начали в 1952 г., когда священники из греческого военного контингента стали служить литургии для местного населения. 29 ноября 1953 г. возобновились службы в православной церкви в Чондоне. 25 декабря 1955 г. общий сход прихожан единодушно принял обращение к вселенскому патриарху с просьбой об официальном принятии их в его юрисдикцию. Просьба была удовлетворена. Поначалу корейская православная община была приписана к Австралийской епархии, позднее перешла в подчинение епархии Северной и Южной Америки. В 1970 г. экзархом Кореи был назначен митрополит Новозеландский Дионисий, в чьем ведении корейские православные находятся и по сей день.

В 1954 г. преемником о. Алексея Кима стал о. Борис (Мун Ыйчхун), которого община выдвинула на эту должность за доброту, терпение, неизменную доброжелательность. Он был рукоположен в дьяконы и священники архиепископом Токио Иренеом. В 1969 г. он ушел в отставку по здоровью. На смену ему прибыл о. Евгений Папас из Греческой православной епархии Южной и Северной Америки. После его отъезда в 1973 г. о. Борису пришлось на время возвратиться к пастырским обязанностям, а община вновь обратилась к руководству греческой православной церкви с просьбой прислать священника. Найти в Греции добровольца, желающего поехать миссионером в Корею, оказалось очень нелегко. Поиски длились несколько лет. В 1975 г. в Корею прибыл архимандрит (с 1993 г. – епископ Зилаский⁵²) Сотирий Трамбас. Он планировал пробыть в этой стране 3 года, чтобы помочь о. Борису в организации церковных служб.

Епископ Сотирий Трамбас родился в 1929 г. в Греции в г. Арта в крестьянской семье. После окончания в 1947 г. теологического факультета Афинского университета 2,5 года служил в Македонии как армейский капеллан. В 1956 г. принял монашество, рукоположен в дьяконы; 1956–1964 гг. – проповедник в Метимне на о-ве Митилини. С 1960 г. – архимандрит. В 1964–1967 гг. – капеллан военного района в Эвросе на северной границе Греции. В 1968–1973 гг. – секретарь Афинской архиепархии.

«В Корею я сразу был окружен уважением и вниманием, – вспоминает епископ Сотирий. – Мы сблизились с о. Борисом. К тому времени он был православным священником уже 20 лет. Он прилагал все силы, чтобы исполнять свои обязанности хорошо, и многому научился, читая книги, хотя специального образования у него не было. С раннего детства он посещал миссионерскую православную школу, всегда присутствовал на церковных службах и много знал из опыта. Будучи очень скромным человеком, о. Борис считал свои знания крайне недостаточными. Вскоре после моего приезда он пришел ко мне и сказал: "Я старался делать все, что было в моих силах, но, боюсь, я сделал много ошибок. Делайте все, что считаете необходимым, а я буду во всем следовать за вами"». В 1977 г. о. Борис умер – задохнулся в результате утечки газа в его доме.

О. Сотирий остался единственным православным священником в Корею, и планы на возвращение домой ему пришлось оставить. «Они стали вашими духовными детьми. Отец не может оставить своих детей», – сказал о. Сотирию архиепископ Афинский преосвященный Иероним.

Живя в гуще народа, архимандрит Сотирий глубоко познал культуру и быт своих прихожан. Его рассказы о первых годах пребывания в Корею не только проливают свет на малоизвестные страницы истории православия в этой стране, но и содержат ценные сведения об этнографии корейцев в 70–80-х годах XX в.

По церковным документам (в основном регистрациям крещений), в 1975 г. в Корею числилось около 550 православных, но постоянных прихожан было значительно меньше. Православная литература на корейском языке практически была утрачена. О. Сотирий получил в наследство от предшественников текст Божественной литургии Св. Иоанна Златоуста, несколько песнопений и служебную книгу священника – все переведенные много лет назад и переписанные от руки, видимо, в 1930-е годы. В XX в. корейский язык претерпел значительные изменения, и переводы устарели.

Внесение поправок в старые и перевод новых книг были важнейшими задачами. С ними удалось успешно справиться. На сегодняшний день переведены и опубликованы 62 книги, включая тексты Божественной литургии Св. Иоанна Златоуста и Св. Василия Великого, Служебник для священника, тексты служб в особые дни и праздники, Введение в православие для начинающих, сборники молитв карманного формата, иллюстрированные книги для детей, учебники для духовной семинарии и воскресной школы, собрания гимнов и песнопений в нотном сопровождении, брошюры по истории православия в Корею и листовки с объяснением местоположения право-

* Все цитаты – из интервью епископа Сотирия (см. прим. 54).

славных церквей и монастыря. Было создано несколько специальных служб и молитв с учетом корейских традиций: для благословения соли, используемой при засолке *кимчхи* на зиму; для матерей, готовящихся к родам; по случаю 100 дней и 1 года со дня рождения младенца; к 60-летию юбилею (*хванган*)⁵³. О. Сотирий активно участвовал в процессе перевода в качестве консультанта. При этом он усиленно изучал корейский язык и вскоре стал вести службы по-корейски.

Стремясь помочь о. Сотирию, его друзья в Греции образовали общество «Synergy». Они получали его письма с описанием жизни и проблем православных в Корее, делали из них статьи и печатали в различных журналах. Так греки узнали о своих корейских братьях по вере. Тысячи людей проявили участие в их судьбе, оказав им посильную материальную помощь. Это епископы, священники, монахи, владельцы кораблей, учителя, домохозяйки, различные миссионерские организации. Некоторые поддерживают корейскую церковь на регулярной основе. Например, один учитель из г. Арты несколько лет вплоть до своей смерти посылал ей 60% своей годовой пенсии. В апреле 1999 г. один греческий бизнесмен пожертвовал \$67 000 на строительство новой церкви в Пусане.

Помогали и верующие из других стран. В 1991 г. архиепископ Северной и Южной Америки Яков пригласил о. Сотирия посетить США и Канаду. Во время этого визита были собраны деньги на строительство Успенского храма в г. Чонджу (провинция Северная Чолла). В течение многих лет корейская православная церковь нуждалась в священниках. Решить проблему помогли восемь греческих священников, регулярно по очереди приезжавшие в Сеул, и православные капелланы американского военного контингента, расквартированного в Корее. Американские солдаты православного вероисповедания оказывают немалую помощь в ремонте церковных зданий.

В свою очередь в 1986–1997 гг. православная миссия в Корее сыграла важную роль в организации православных миссий в ряде стран Азии: Индии, Индонезии, Гонконге, Сингапуре и на Филиппинах, которые ныне объединены в самостоятельную епархию Гонконга и Юго-Восточной Азии со штаб-квартирой в Гонконге.

В настоящее время в РК существует семь православных приходов. Самый крупный и старейший из них – *приход Собора Св. Николая Чудотворца в Сеуле** (1800 прихожан, настоятель – архимандрит Амвросий Зографос). В 1996 г. на территории собора была построена имеющая отдельный приход *часовня во имя Св. Максима Грека*, которая иначе называется Русской. Здесь регулярно проводятся службы на старославянском языке для русскоязычной православной общины, проживающей в Сеуле. *Благовещенский храм в Пусане* – старейший среди провинциальных. Он существует с 1981 г. (200 прихожан, настоятель о. Александр – Хан Ыйджон). *Церковь Св. Павла в Инчхоне* имеет 120 прихожан, священник – о. Даниил (На Чхангю), основана в 1982 г. *Церковь Успения Богородицы в г. Чонджу* (провинция Северная Чолла) основана в 1988 г., священник – о. Павел (Квон Онгон). Церковь Св. Андрея в д. Паллан-ни (у. Янгу, провинция Канвон) построена в 1988 г., имеет 60 прихожан. Службы проводят священники, регулярно приезжающие из других приходов. Церковь Св. Бориса в Ильсане (провинция Кенги) основана в июне 1999 г. в память об о. Борисе Муне его детьми и родственниками, священник – о. Антоний У (У Джонхён).

Преображенский монастырь (основан в 1988 г.) расположен в окрестностях г. Чонпхён в 70 км от Сеула (провинция Кенгидо). В настоящее время здесь пребывают две монахини. Православное кладбище существует в Корее (д. Ёнмири, провинция Кёнги) с 1968 г., так же как и принадлежащая ему Воскресенская часовня. Эта часовня, как и монастырь, приходами не являются.

В настоящее время в Республике Корея зарегистрировано 2200 православных корейцев. Не все из них регулярно посещают церковные службы, однако ядро

* Курсивом выделены храмы, имеющие приход.

церковной общины остается неизменным на протяжении вот уже четырех поколений. Оно состоит из нескольких семейств: Паки (пон – Мирян, 68 православных); Кимы (пон – Кимхэ, семья Алексея Кима); Муны (три дочери и сын о. Бориса и их дети); На (пон – Наджу); Чо (пон – Мирян) и др.

О. Даниил На, священник храма Св. Павла в Инчхоне, принадлежит к одной из этих семей. Его отец Моисей На (На Джунтхэк) был первым представителем фамилии На (пон – Наджу), крещенным в православие. Моисей родился в глухой деревне, в возрасте 12 лет приехал в Сеул и упорным трудом за много лет сколотил значительное состояние, став владельцем мануфактуры по производству рам для картин. Его тесть Чо Пхирён был чиновником при дворе короля Коджона и одно время служил заместителем городского головы г. Сеула. Чо Пхирён принадлежал к «прорусской группировке» и был крещен в православие, возможно, епископом Хрисанфом. По обычаю, если корейский православный женится, жена автоматически принимает его веру. Если дочь православного выходит за представителя другой конфессии, она покидает общину и принимает веру мужа. Это правило существует с давних времен, однако в случае с Моисеем На дело обстояло по-другому. Поскольку он был выходцем из незнатного клана, он принял веру своей жены Натальи (Чо Джеён), которая была крещена вскоре после рождения. Браком они сочетались в православной церкви в Чондоне⁵⁴.

Некоторые корейцы не унаследовали веру от предков, а пришли к ней сами. Таковы семьи Ли (переводчика Саввы Ли Инсу), Квонов (профессора греческого языка в одном из корейских университетов, крестившегося в Греции 10 лет назад), Ю (знатока греческой философии, долгое время жившего в Греции).

Важное значение в поисках веры имеют музыка и пение. Большинство молодых корейцев, решивших связать свою жизнь с церковью, например Иоанн Пак (Пак Ёнбом), принявший монашество и рукоположенный в священники в Греции в июне 1999 г., или Симон Пак (Пак Минги), в настоящее время проходящий курс обучения на теологическом отделении Афинского университета, начали свой путь к вере в хоре.

Некоторые верующие впервые зашли в собор св. Николая в Сеуле, привлеченные видом его купола в византийском стиле, который является копией купола Собора Св. Софии в Константинополе. Многие узнают о православии через Интернет. Крестятся студенты вузов. Иногда первыми в семье церковь начинают посещать дети. Следом приходят их сестры, братья, друзья и, наконец, родители. Крестятся старики. Один из примеров – Абрам На (На Джунсок), дядя по отцовской линии о. Даниила, крестившийся в возрасте 80 лет.

Из интервью епископа Сотирия⁵⁵

«По сравнению с другими религиозными конфессиями православная церковь в Корее немногочисленна, и тому есть объективные причины. Одна из них – длинная служба (около полутора часов) и высокие требования к тем, кто намерен креститься. На изучение Библии, уроки для оглашаемых, воскресную школу, собрания (молодежи, женщин, старейшин) отводится весьма значительное время. Рабочий день в Корее очень велик. Магазины закрываются в 8–9 часов вечера. Многие «белые воротнички» остаются в офисе до 10 часов. Суббота – рабочий день. Поскольку работают в основном мужчины, среди прихожан немало семей, где все крещены, кроме отца. У людей нет времени ни на что, кроме работы. В этом одна из существенных особенностей корейской жизни. Именно поэтому здесь так много «свободных» церквей, которые были созданы всего несколько лет назад и существуют только в этой стране. Их учение сводится к одной-двум догмам, запоминание которых не требует времени. Религия часто понимается как путь к легкой жизни.

Корейцы жили под иностранным давлением длительный период своей истории. Сначала над ними доминировал Китай. Затем сюда пришли японские колонизаторы. Столетиями это общество было разделено на социальные слои, подобные кастам. Покор-

ность народа королю, подчиненного – вышестоящему, детей – родителям, женщин – мужчинам и т.д. вошла в плоть и кровь корейцев. Они избегают прямых откровенных ответов на прямые откровенные вопросы, избегают выражать свои истинные чувства. Ложь стала нормой, и это главное, от чего они страдают с детства до старости. Христианство учит их, как избавиться от этого страдания. Это один из главных факторов, привязывающих их к христианству. Они принимают веру как способ избавиться от болезней, проблем и кризисов.

Римская католическая церковь пришла в Корею более 200 лет назад и сейчас имеет около 3,5 млн. последователей. Первые протестанты прибыли в Корею в 1884 г., и сегодня в Корее более 8 млн. протестантов. Кроме того, существуют сотни сект⁵⁶. Почему их так много? Новые церкви свободно толкуют Библию. Они отрицают исповедь, Св. Причастие, посты. "Живи легко, поступай, как тебе удобно", – говорят псевдопророки. Пользуясь стремлением людей как можно быстрее избавиться от внутренних проблем, они утверждают, что это легко достижимо. Это привлекает людей, и они с готовностью отдают псевдопророкам деньги и все, что те требуют. Люди жертвуют многим, чтобы добиться быстрого освобождения от постоянного морального стресса.

Эффективность миссионерской работы измеряется тем, насколько жизнь верующих изменилась к лучшему, после того как они приняли веру. Большинство наших прихожан приходят в церковь не только для того, чтобы поставить свечку. Они не ограничивают свою веру просто строгим следованием правилам, например соблюдению постов по средам и пятницам. Они ищут смысл веры и своей жизни. Это чувствуется по вопросам, которые они задают, по их поведению в различных обстоятельствах. Многие люди приближаются к пониманию истинной любви, хотя часто сами того не сознают. С наступлением кризиса люди стали больше делиться друг с другом. Наши прихожане помогают бедным, причем не только единоверцам. Наша молодежь регулярно посещает беднейших людей, живущих в окрестностях храма, и работают по хозяйству, покупают им еду и одежду. Сначала они действовали через церковь, но потом стали делать это самостоятельно, без напоминаний. Они испытывают большое удовлетворение от этой работы. Мы оказываем поддержку студентам, у которых нет денег платить за учебу, помогаем больным, проходящим дорогостоящее лечение. Встав на ноги, люди полностью возвращают церкви свои долги.

Если люди не знают истинного Бога, они ощущают внутреннюю пустоту и уходят в шаманизм и предрассудки. В церкви они ищут избавления. Иногда они просят священника прийти к ним домой, чтобы выбросить символы предрассудков – предметы поклонения шаманистским богам. Сами они боятся это делать. Существуют и другие виды предрассудков. Корейцы не воспринимают мир таким, как он есть. Они живут в мире фантазий. Они привыкли думать: "Я некто, кто имеет вес в этом мире".

Корея очень быстро разбогатела. Господствующая в обществе идея – получать как можно больше денег, реально их не зарабатывая. Трудно представить себе более нехристианскую идею. Изобилие денег в сочетании со старыми предрассудками сослужили Корее плохую службу. Это настоящая причина сегодняшнего кризиса. Я надеюсь, что трудности помогут им быстрее стать зрелыми и найти путь к лучшей жизни. Живя на этой земле, мы должны помнить, что наше главное место пребывания не здесь. Оно на небесах, рядом с Господом, и мы должны быть готовы к встрече с Ним».

Навстречу новому столетию своей истории

Православной церкви в Корее исполнилось 100 лет. Она с честью вышла из всех испытаний и ныне пользуется заслуженным уважением в обществе и признанием правительства Республики Корея. Высокий статус корейской православной церкви доказывает факт ее регистрации Министерством культуры и спорта РК как одной из нескольких официальных религиозных организаций страны наряду с римской като-

лической, англиканской, методистской, пресвитерианской христианскими церквями. При этом подавляющее большинство многочисленных в Южной Корее религиозных организаций официального статуса не имеют.

Постоянные и упорные усилия корейских православных и их пастырей во имя своей веры достойно вознаграждены. Волею Божией они обрели доброго пастыря о. Сотирия, который уже 25 лет – больше, чем любой другой православный миссионер-иностранец в Корее, – не оставляет их своим неотступным попечением. Они выдвинули из своей среды девять священников, построили шесть церквей, часовни, монастырь, духовную семинарию, ведут благотворительную и просветительскую работу.

Православная церковь в Корее свято чтит традиции и помнит свою историю. День 17 февраля, когда о. Хрисанф отслужил первую литургию на корейской земле, отмечается ею как праздничный. Имена русских миссионеров – основателей церкви неизменно поминаются в службах, а их портреты наряду с портретами первых корейских священников выставлены в зале собраний при храме Св. Николая в Сеуле. Памяти их посвящен музей в притворе часовни Св. Максима Грека. Как и когда-то в прошлом, при храме Св. Николая Чудотворца есть небольшая русская община, возникшая здесь в самом конце 1980-х годов. Литургии в часовне Св. Максима Грека регулярно посещают около 30 русских.

В феврале 2000 г. корейские православные отпраздновали 100-летие своей церкви. Событие это было ознаменовано службами во всех храмах, освящением здания новой церкви в Пусане и открытием памятника о. Алексею Киму на православном кладбище. В торжествах принял участие вселенский патриарх Варфоломей. Русскую православную церковь на них представлял архиепископ Калужский и Боровский Климент. Православная корейская церковь с надеждой и уверенностью вступает в новое столетие своей истории.

Примечания

¹ О. Хрисанф (Щетковский, 1869-1906) родился в Ростове-на-Дону в семье дьякона. В 1899 г., будучи иеромонахом, окончил Казанскую духовную академию, получил степень доктора богословия и был назначен начальником православной миссии в Корее с возведением в сан архимандрита.

² *Феодосий (Перевалов), архимандрит*. Российская духовная миссия в Корее за первое 25-летие ее существования (1900-1925 гг.). Харбин, 1926. С. 8-9.

³ В 1906 г. число крещеных православных в Японии составило 29 115 чел. См.: Зенина Л.В. Японские ученые о Российской духовной миссии в Японии // *Православие на Дальнем Востоке*. Вып. 2. СПб., 1996. С. 27.

⁴ *Павел (Ивановский), иеромонах*. Краткий очерк развития миссионерского дела среди корейцев Южно-Уссурийского края. Владивосток, 1904. С. 9-11, 30.

⁵ Об этом см.: *О. Павел (Ивановский)*. Корейцы-христиане. М., 1905. С. 179-180.

⁶ О. Павел (Ивановский) в 1896 г. принял монашество и был возведен в сан иеромонаха. В 1904 г. возведен в сан архимандрита одновременно с назначением начальником русской православной миссии в Корее.

⁷ *Павел (Ивановский)*. Современное положение христианских миссий в Корее. Владивосток, 1904. С. 1-2.

⁸ *Еп. Хрисанф*. Из писем корейского миссионера. Казань, 1904. С. 6, 23, 32, 48-49.

⁹ Там же. С. 6-7.

¹⁰ *Kim A.E.* A History of Christianity in Korea: From Its Troubled Beginning to Its Contemporary Success // *Korea Journ.* 1995. V. 35. № 2. P. 38.

¹¹ Впервые вопрос о необходимости создания миссии в Корее поставил сотрудник российской дипломатической миссии в этой стране Н.А.Шуйский в 1889 г. См.: *Феодосий (Перевалов)*. Указ. раб. С. 1-8.

¹² *Волохова А.* Из истории российской политики на Дальнем Востоке: МИД, Министерство финансов и учреждение Российской духовной миссии в Корее // *Пробл. Дальнего Востока*. 1998. № 4. С. 112-122.

¹³ *Павел (Ивановский)*. Корейцы-христиане. С. 185-186.

¹⁴ *Palmer S.J.* Korea and Christianity. Seoul, 1986. P. 28.

¹⁵ По данным переписи населения, проведенной японским генерал-губернаторством, в конце 1910 г. в Корее проживал 21 подданный Российской империи. См.: *The Korea Times*. 1996. 3.09. P. 3.

¹⁶ *Еп. Хрисанф*. Указ. раб. С. 48-49.

¹⁷ Там же.; *Еп. Хрисанф*. От Сеула до Владивостока. Путевые записки миссионера. Казань, 1905.

- ¹⁸ *Еп. Хрисанф*. Из писем корейского миссионера. С. 23.
- ¹⁹ Там же. С. 6, 52.
- ²⁰ Там же. С. 8.
- ²¹ *Феодосий (Перевалов)*. Указ. раб. С. 60.
- ²² *Анисимов Л.* Православная миссия в Корее (к 90-летию основания) // Журн. Московской патриархии. 1991, № 5. С. 58.
- ²³ *Павел (Ивановский)*. Корейцы-христиане. С. 60–61.
- ²⁴ *Феодосий (Перевалов)*. Указ. раб. С. 69, 78.
- ²⁵ Иоанн Кан работал в миссии с 1906 г. как переводчик, крестился в 1907 г., священник с 1912 г.
- ²⁶ *Феодосий (Перевалов)*. Указ. раб. С. 81–82.
- ²⁷ Там же. С. 63.
- ²⁸ Там же. С. 75–76.
- ²⁹ Там же. С. 156, 127.
- ³⁰ *Анисимов Л.* Указ. раб. С. 58.
- ³¹ *Феодосий (Перевалов)*. Указ. раб. С. 131–132.
- ³² *Августин (Никитин), архимандрит*. Русская православная миссия в Корее // Православие на Дальнем Востоке. Вып. 1. СПб, 1993. С. 142; *Анисимов Л.* Указ. раб. С. 57–58.
- ³³ *Дионисий (Поздняев)*, священник. К истории российской духовной миссии в Корее // Российское корееведение. Вып. 1. М., 1999. С. 200.
- ³⁴ Японское название. Город Хэджу в провинции Хванхэ (современная КНДР).
- ³⁵ В японской транскрипции – Расин. Город Наджин в провинции Северная Хамгён (современная КНДР).
- ³⁶ *Августин (Никитин)*. Указ. раб. С. 142.
- ³⁷ *Феодосий (Перевалов)*. Указ. раб. С. 164.
- ³⁸ Yanghwajin Seoul Foreigners' Cemetery, Korea. An Informal History, 1890–1984. Seoul, 1984. P. 37–40.
- ³⁹ Его отец Пак Чхангиль крестился, будучи уже взрослым, когда служил денщиком у русского священника. У кого именно – сын не знает.
- ⁴⁰ Полевые записи автора. Республика Корея, Сеул. Интервью с Михаилом Пак Сунхо от 16.05.1999.
- ⁴¹ *Crosbie P.* March Till They Die. Dublin, 1985. P. 86, 117–118, 176–178, 181, 205, 216.
- ⁴² *Августин (Никитин)*. Указ. раб. С. 142; *Анисимов Л.* Указ. раб. С. 58.
- ⁴³ Российский подданный кореец, уроженец с. Тизинхэ Приморской обл. Никольско-Уссурийского у., Адиминской вол. Крестился в 1886 г., учился в Адиминской церковно-приходской школе в 1895–1897 гг., затем в Сеульской правительственной школе иностранных языков по русскому отделу в 1898–1899 гг. Поступил на службу в миссию в качестве учителя грамоты в 1906 г., рукоположен в дьяконы в 1913 г. и в священники в 1924 г.
- ⁴⁴ Чтобы жениться на ней, он был вынужден поменять свою родовую принадлежность (пон), поскольку по генеалогиям эти два клана находятся в родстве и, следовательно, не могут заключать браки между собой.
- ⁴⁵ *Феодосий (Перевалов)*. Указ. раб. С. 78–79.
- ⁴⁶ Там же. С. 141–142.
- ⁴⁷ *Дионисий (Поздняев)*. Указ. раб. С. 201.
- ⁴⁸ Там же. С. 200.
- ⁴⁹ Там же. С. 201–202.
- ⁵⁰ Этот факт упоминается в «Заявлении» о. Поликарпа, опубликованном в «Известиях» за 21.07.1949.
- ⁵¹ Свидетельства: 100 лет Миссии. Ретроспективный взгляд на историю англиканской церкви в Корее. Сеул, 1990. С. 110–116 (на кор.яз.)
- ⁵² Зила – древняя епархия Экуменического патриархата Константинополя. Существовала в период Византийской империи, но после 1922 г. была покинута христианами. В настоящее время названия подобных древних епархий входят в титулы большинства епископов, служащих в Константинопольском патриархате.
- ⁵³ Эти даты считаются основными в жизни корейца.
- ⁵⁴ Полевые записи автора. Республика Корея, Сеул. Беседа с О. Даниилом На от 11.06.1999 г.
- ⁵⁵ Полевые записи автора. Республика Корея, Сеул. Интервью с епископом Сотирем от 17–18.05.1999.
- ⁵⁶ В Республике Корея существует около 350 религиозных групп в основном христианского направления, которые насчитывают 2 млн. последователей. См.: The Korea Herald. 1994.22.02.

T. M. S i m b i r t s e v a. To the Centennial of Orthodoxy in Korea

This article is devoted to the creation history and main development stages of the Orthodox church in Korea from 1900 to the present. The work is based on the 1904–1926 memoirs of the early Russian missionaries and on the materials collected by the author during her visit to the Korean Republic in May-June 1999, with due consideration for the publications of recent years issued in Russia on the question.